

Николай Ульянов

An open book with a red cover lies on a metal suitcase. The left page shows a technical drawing of a machine, and the right page contains text. A small bouquet of white and yellow flowers is placed on the left page. A single red apple is positioned to the right of the book. The entire scene is set against a background of crumpled, aged paper.

**Записки из
чемодана**

невыдуманные истории

ББК 84(4Беи)-5

У 51

Ульянов, Николай

Записки из чемодана: невыдуманные истории. /Н. Ульянов.–
Лиозно: ГУК «Лиозненская ЦБС», 2020. – 83 с.: ил. (Серия
«Лиозненщина литературная»)

*Все произведения публикуются с сохранением авторской
орфографии и пунктуации.*

Дорогие читатели!

В предлагаемом сборнике размещены прозаические миниатюры Николая Ульянова, врача Лиозненской поликлиники, опубликованные по просьбе сына спустя 10 лет после смерти отца, рукописи которого были обнаружены не так давно.

Все рассказы разные по своей направленности, но объединены острым ощущением времени и связью с прошлым.

Книга предназначена для взрослых и детей среднего и старшего школьного возраста. Описанные события достоверные, но не подтверждены документально и очевидцами, многие имена изменены. Некоторые рассказы уже были опубликованы в прессе, некоторые увидят свет впервые.

Невыдуманные истории, возможно, вызовут у вас грусть и улыбку, размышления о мире, который окружает нас, о людях с разными судьбами, о милых животных и эмоциях в наших душах.

Спасибо, что вы решили читать книгу Николая Ульянова! Ведь в каждом рассказе вы почувствуете его благородство, тонкий юмор и найдете частицу души автора.

*Елена Бахмацкая, руководитель народного
любительского литературного объединения
«Под абажуром» Лиозненской центральной
районной библиотеки*

Николай Ульянов

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Безымянный герой

Летом 1943 года я, десятилетний мальчишка, стал свидетелем героического подвига нашего лётчика.

В сумерках в небе над Витебском появился самолёт, летящий с запада на довольно низкой высоте. Ребятишки называли их “стрекозами”. Когда немцы осветили самолёт прожекторами, тот выпустил сигнальную ракету. Прожекторы погасли, как бы признав “своего”. Самолёт долетел до восточной окраины города, развернулся, опустился очень низко, почти до верхушек сосен Юрьевой горки. На бреющем полёте над железнодорожной товарной станцией он сбросил небольшой тёмный предмет. Раздался взрыв, за ним последовала серия частых мощных взрывов.

Немцы вновь поймали прожекторами самолёт и открыли огонь из скорострельных зенитных установок. Следы “трассирующих” снарядов хорошо были видны в ночном небе. Самолёт стал почему-то кружить над городом, поднимаясь всё выше и выше, пока не превратился в едва видимую точку. Немцы усилили обстрел из крупнокалиберных зенитных орудий. Так продолжалось около получаса. Самолёт не смог выбраться из-под обстрела и упал, не горя, на северо-восточной окраине города.

А мощные взрывы и пожар на товарной станции всё усиливались. Временами поднимались высоко в небо целые товарные вагоны и рассыпались в воздухе. Горящие доски от вагонов, осколки рвущихся снарядов и бомб разлетались вокруг на километры. Мой дедушка Василь и соседи стаскивали с крыш домов упавшие на них горящие доски. Взрывы и пожар продолжались в течение недели.

То, что я слышал тогда от взрослых, возможно, поможет в поисках подтверждения виденного мною.

На железнодорожной товарной станции г.Витебска летом 1943 года накануне Курской битвы скопилось большое количество эшелонов с боевой техникой и боеприпасами противника, не отправленных на восток из-за множественных повреждений железнодорожных путей.

Ходили слухи, что это наш лётчик на немецком самолёте (у них тоже были такие самолёты – “стрекозы”) так удачно угодил бомбой в самое уязвимое место на товарной станции. С пилотом упавшего самолёта произошло якобы следующее: он спустился на парашюте где-то на северо-восточной окраине города. Полицай, заметивший приземлившегося лётчика, убил раненого, снял с него “кожанку”, облил тело бензином и поджёг. Когда пришли немцы, то нашли лишь обгоревший труп. Немцы разыскали полицая и растреляли его, сказав: “Нам русский лётчик дороже тебя”.

Когда утихли взрывы и потух пожар, недалеко от товарной станции был обнаружен труп дяди Коли, местной знаменитости, и обгоревшая овца. Дядя Коля тащил эту овцу домой, а немцы его убили. Дядя Коля был настоящим великаном, ростом под 2,5 метра. Я его видел на Полоцком базаре, так тогда называли нынешний Полоцкий рынок, незадолго до гибели. Он сидел на столе (скамья была ему мала) и продавал опасные бритвы. Говорили, что бритвы эти дядя Коля делал сам.

О ратном подвиге советского лётчика, который ценой своей жизни спас жизни многих солдат в Курской битве и приблизил час окончательной Победы над фашизмом, надо знать и помнить. Сколько ещё их – безымянных героев войны, чьи имена сгинули в адском пламени лихолетья. Но подвиги которых забываемы и велики!

Пятый полк

(Из воспоминаний тогда восьмилетнего мальчишки)

На западной окраине Витебска по дороге на Полоцк (теперь улица Титова) до Великой Отечественной войны в военном городке базировался пятый железнодорожный полк Красной Армии.

Название этого места как “Пятый полк” так и осталось до настоящего времени. Во время войны при оккупации немцами города здесь находился лагерь военнопленных красноармейцев и узников. Памятник замученным красноармейцам и узникам установлен здесь после войны у самой дороги.

Где-то в третьем часу дня в августе 1941 года по дороге на Полоцк в направлении к “Пятому полку” шла бесконечная колонна военнопленных наших красноармейцев, конвоируемая немецкими солдатами с чёрными автоматами и карабинами наперевес. День был жаркий. После прошедшего утром дождя парило, на дороге – лужи грязной воды.

Замученные неволей и голодом, пленные шли медленно, спотыкаясь, поддерживая ослабевших и раненых товарищей. Немецкие солдаты криком и ударами прикладов подгоняли их. Когда пленный припадал к луже дождевой воды, чтобы утолить жажду и не мог подняться, конвоир стрелял в него, не разрешая рядом идущим поднять товарища. Это происходило на глазах женщин, стариков и детей из близконаходящихся домов и продолжалось до самого вечера. Уже в темноте, когда колонна скрылась за первыми бараками лагеря, рискуя жизнью, старики и женщины поспешили к пленным, оставленным на дороге и кюветах. Детям взрослые приказали остаться дома.

Позже из осторожных разговоров взрослых я узнал, что некоторые из оставленных пленных были только тяжело ранены. Их подобрали и спрятали добрые люди, подлечили и направили

к партизанам. Убитых похоронили ночью на ближайшем кладбище.

Территория лагеря, где находились пленные, была огорожена колючей проволокой, вокруг на вышках – немцы с автоматами.

В первые дни немцы разрешали приносить пленным еду, воду, одежду. Это можно было передать через охрану у ворот лагеря или непосредственно самим пленным через заграждение. Помню, как моя мама из последних запасов приготовила два ведра макаронного супа, отнесла в лагерь и раздала голодным пленным через колючую проволоку в протянутые помятые банки, кружки, черепки. Многие женщины “узнавали” среди пленных “своих мужей” и выкупали их у лагерного начальства за золотые кольца, серьги.

Так продолжалось недолго. Пленные при помощи патриотов, которые передали им сапёрные ножницы, сделали лаз в заграждении и совершили побег. После этого к лагерю немцы никого не подпускали.

В конце августа и в сентябре было уже холодно, особенно ночью, шли дожди. Большая часть пленных оставалась на открытой площадке, дырявые бараки всех не вмещали. Голодные, полураздетые (некоторые из них были только в грязных кальсонах и нижних рубахах), умирали каждый день сотнями. Территория лагеря за колючей проволокой была голой – ни травинки, ни кустика – всё было съедено голодными людьми.

Мёртвых вывозили навалом на телегах и санях за территорию лагеря и сбрасывали в ямы, приготовленные заранее взрывами.

В долгие зимние ночи со стороны деревни Мишково недалеко от этих ям с мёртвыми телами пленных было слышно,

как воют волки. Немцы периодически стреляли из пулемётов – им самим было жутко и страшно.

В немецкой школе

(Из воспоминаний детей войны)

В оккупированном немцами Витебске в августе 1941 года на уцелевших зданиях школ, заборах появились объявления коменданта города: “Родителям с детьми школьного возраста немедленно явиться в близлежащую школу... За невыполнение распоряжения германского командования – расстрел!”

Так началось воспитание белорусских детей в духе германского порядка. Построенная перед самой войной светлая двухэтажная школа была на окраине города за Полоцким рынком (ныне улица Титова). Теперь она представляла собой полуразрушенное неприветливое здание с разбитыми окнами.

Нас учили на белорусском языке. Многие из нас уже читали довольно хорошо. Арифметика и письмо давались туго. В классе были одни мальчишки 7-8 лет. Учительница наша, Вера Сергеевна, была очень хорошая, ласковая, красивая. Она всех нас любила, не наказывала за провинность, как того требовал новый германский порядок.

Однажды к нам на урок пришёл немецкий офицер, поздоровался с нами по-немецки: “Guten tag!”¹ Мы ответили по-белорусски: “Добры дзень!” – как нас учили, но получилось недружно и негромко. Ему такое приветствие не понравилось – это было видно по его злому лицу.

Офицер о чём-то стал говорить на немецком языке с нашей учительницей, после чего она обратилась к нам: “Дети, господин офицер желает послушать, чему мы научились”, - и предложила Максиму Митяеву, лучшему ученику класса, прочитать не так давно выученное нами наизусть стихотворение (“верш” по-белорусски).

Максим испуганно (такое с ним раньше не происходило) поднялся из-за стола (парт как таковых не было) и, заикаясь, стал читать:

Ярка на камінцы
Смольны корч пылае.
Бацька на ўслоне
Лапаць выплятае.

Латая хацінка,
Каля печы матка,
Заўтра пойдзе ў школу
Іх сыноч Ігнатка.

- Genuch!² – подняв руку, приказал офицер. “Кто желать говорить? Корошо говорить?” - обратился он к классу на ломаном русском языке.

- Ich³, - бойко поднялся Витя Зуев, самый смелый из нас мальчишка.

- Ви говорить дойч?! Bitte⁴!”

Громко и отчётливо Витя начал читать наизусть нам неизвестное тогда стихотворение (верш Янки Купалы):

Янка і Карла суседзі былі,
Ды розныя сцэжкі іх змалку вялі.
Янка вучыўся жыццё будаваць,
Карла вучыўся людзей забіваць...

- Ruich!⁵ – крикнул немецкий офицер, что-то зло сказал нашей учительнице и быстро вышел из класса. За ним последовала и наша учительница. Мы, дети войны, были очень чутки и осторожны, поняли, что произошло что-то очень страшное. Сидели на своих местах тихо, что раньше с нами не бывало. Вскоре пришла учительница из другого класса и сказала, чтобы мы шли домой, хотя должно ещё быть два урока.

На следующий день было воскресенье, выходной. В понедельник я заболел и остался дома.

Наступили холода, стали морозы, выпал снег. Тёплой одежды и обуви у меня не было. Начался обстрел города из орудий, ночью налёты нашей авиации, которые беспрерывно бомбили железнодорожную товарную станцию. Было опасно находиться на улице вне укрытия. В школу я не стал ходить, и вскоре её совсем закрыли.

Фамилию нашей учительницы Веры Сергеевны я не запомнил. Говорили взрослые, что её немцы арестовали.

Много позже стало известно, почему это немцы были такими заботливыми, что заставляли учиться детей низшей расы, причём только мальчишек. Они вынашивали планы сделать из них в будущем янычар, как в Турции в былые времена, чтобы использовать потом в целях Великой Германии.

¹ Guten tag! – добрый день.

² Genuch – хватит, довольно.

³ Ich – я.

⁴ Bitte! – пожалуйста

⁵ Ruich! – молчать, тихо.

Deutsch – по-немецки.а

Варварство

1939 год. Зима. Сугробы снега. Крепкий морозец. Утро. На краю кладбища деревянная староверская моленная – небольшой старенький домик с крылечком. На коньках крыш домика и крылечка деревянные кресты.

“Стой, сволочь! Не уйдёшь! Вот я тебя!..” – слышен крик возле моленной. Нас трое мальчишек шести-семи лет бежим туда и видим: дяди-милиционеры в зелёносиних шинелях и круглых шапках с отворотами для прикрытия ушей громят эту моленную. Они выбрасывают иконы и утварь на снег через вышибленные окна, кладут в сани, а на крыше сидит один из них и сбивает топором крест. Здоровый дядя-милиционер разбивает икону об угол крылечка, осколки разлетаются и падают в снег. На одном из осколков виден лик святого. Пожилые мужчины с бородами, сняв шапки, глядят угрюмо на такое бесчинство. Старушка, вытирая слёзы, держит за ручку девочку лет четырёх-пяти с широко раскрытыми от ужаса глазами. Невдалеке громила, уронив шапку в снег, вырывает из рук старика крест с распятием Христа. Пожилая женщина в овчинном полушубке со сбитым на спину платком убегает по глубокому снегу, прижимая к груди небольшую икону, а её преследует на вздыбленной лошади дядя-милиционер с отборной бранью, грозя плетью в поднятой руке.

Я стою и не верю своим глазам, что происходит. Что-то у меня оборвалось тогда в груди. Серёжа, меньший из нас, сказал: “А я хотел быть милиционером... Не буду!”

Если бы я был художником, я бы написал картину, показав людям этих нелюдей.

Примечание. Много позже я узнал, что это был лик апостола Петра.

Махорка

- Дедушка, а на войне страшно? – как-то спросил меня мой пятилетний внук.

- Не только страшно, но и холодно, и голодно, - ответил я.

- А ты, дедушка, воевал? – не унимался малыш.

- Как тебе сказать, внучек... Когда началась война, мне было лет семь, немного больше, чем тебе, но если считать, что на войне холодно и голодно, то выходит, что и я воевал.

- Что такое холодно и страшно, я уже знаю. Это когда я ночью сплю, а к нам приходит такой большой динозавр, как в кино, и хочет меня съесть. А холодно, когда дяди не топят печку с большой трубой. А вот что такое голодно?

- Задал ты мне, внучек, задачку!.. Чтобы это понять надо... Не дай Бог испытать тебе этого. Ладно слушай. И начинаю рассказ, как мы выжили в голодные годы войны в оккупированном немцами городе Витебске.

Жили мы – мама, бабушка, моя сестра и я на окраине города. В лето и осень первого года войны у нас были кое-какие запасы еды, да и к тому же немного картофеля и бурачков с огорода. Берегли каждую крупинку. Немцы часто “посещали” наш посёлок – грабили. Забирали всё: кур, яйца, лук, капусту, хорошие вещи, особенно тёплые, так как им было очень холодно на нашей белорусской земле. Уже к зиме из еды ничего не осталось. Настали холодные и голодные дни. В доме хоть шаром покати, как говорила наша бабушка Катя. Мама продавала последние вещи, на вырученные деньги (немецкие оккупационные марки) покупала на базаре соль, ходила по деревням и обменивала её на хлеб. Скоро из вещей осталось только, что было на нас одето. А кушать так хотелось! Особенно хотелось хлеба. О конфетах, масле мы даже не думали. Есть хотелось всё время – днём и ночью. И сколько бы я не ел – не мог наесться. Мы

исхудали до того, что остались только кожа и кости по словам нашей бабушки. Из-за голода соседние дети 3-4 лет болели рахитом. Они были бледно-синюшные с большими глазами и как бы большой головой на тонкой шее, тонкими ручками, тонкими кривыми ножками и большим вздутым животом. Ходить они не могли, сидели в постели и всё время просили есть.

От голодной смерти нас спасла “махорка”. Стены нашего дома были из досок, между ними – древесные опилки с примесью махорочной пыли, чтобы не водились мыши. Мама отрывала доску в самом низу стены, выскребала оттуда эти опилки, просеивала их через сито, густо замешивала, высушивала, затем мелко дробила – получалась “махорка” жёлто-серого цвета. Эту “махорку” мама несла в деревню и там обменивала на хлеб

Кукиш в масле

Это произошло во время войны в оккупированной немцами Белоруссии.

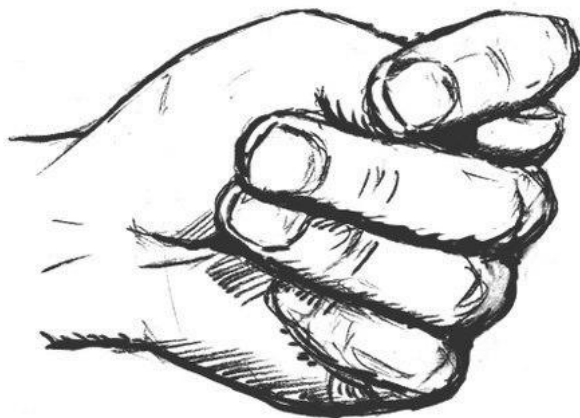
Дом, в котором жила наша семья, был разделён на две половины и имел два входа. В большой и лучшей половине разместились немецкие солдаты, выгнав нас в меньшую. Попутав двери, их соплеменник попал к нам. Увидев на столе сметану в открытой баночке, он влез в неё пальцем и стал пробовать на вкус. “О, дас ист шмекс. Вас ист дас?” – облизывая пальцы, спросил он. “Кукиш в масле”, - зло ответила ему моя мама и убрала сметану в шкафчик. “Ми хотеть кушать кукиш масьло” – устремился он к шкафчику, но мать остановила его, указав на меня, лежащего в постели: “Видишь, у меня дитя больное. Иди и купи у Ивана”, указав на дом соседа. “О, я, я, их понимать, киндер кранк. Карашо”, - подался он к двери и ушёл.

На другой день приходит снова и говорит, грозя пальцем: “Мутер, “кукиш масьло” зеер шмекс, абер ниht гут. Гер майор пу-пу”.

Оказывается, уйдя от нас, это любитель вкусенького зашёл к деду Ивану и стал объяснять, что хочет купить “кукиш масьло”. Старик был смышлённым мужиком, но не поняв, что нужно столь необычному гостю, говорит ему: “Старухи нет дома, Может у неё есть “кукиш масьло”. Приходи морген, пан-солдат”. Но “пан-солдат” подошёл к столу, нашёл сметану в глиняном горшке, попробовал пальцем на вкус: “О, дас ист “кукиш масьло. Гут, гут, карашо”, - и, проявив честность, дал деньги деду, взял горшок со сметаной и ушёл.

Когда немецкие солдаты в доме напротив ели сметану, к ним зашёл офицер. Поднявшись из—за стола, они пригласили своего командира: “Гер майор, битте, “кукиш масьло”. Гер майор, хорошо понимавший по-русски, посмотрел на сметану в

горшке, на солдат и спрашивает, кто им сказал, что это “кукиш
масьло”. Но солдат оказался благородным человеком, не выдал,
кто научил его “знанию русского языка”.

Суп с маком

Как-то летним утром 1945 года в дом к нам зашёл чисто одетый, интеллигентного вида старик,

поприветствовал нас и попросил поесть. Моя мама предолжила ему вчерашний картофельный суп, больше сегодня у нас из еды ничего не было – голодное послевоенное время. Мама хотела подогреть этот суп, но старик с радостью сказал, что он и холодный съест.

Перед самой войной он приехал в гости к сыну в Брест, где и застала его война. Сын был командиром в Брестской крепости, невестка работала учительницей, маленькая внучка училась в школе. В первые дни войны потерялись невестка и внучка. Сын-командир, видимо, погиб. Старик жил всю войну у знакомых невестки и искал их, но, увы. И после войны – никаких вестей.

Я слушал и наблюдал, как он осторожно черпал суп из тарелки и ел с голодным аппетитом. Когда осталось уже совсем немного тёмно-серого супа, он отодвинул тарелку и стал благодарить. Мама сказала: “Что же Вы не доели суп, он же с тёртым маком?” “ Ой, хозяйюшка, а я думал, что это грязь”, - и быстро съел оставшийся суп.

Львовна-партизанка

Весной 1944 года в оккупированном Витебске немцы стали зверствовать: стариков и больных расстреливать, молодых женщин, детей угонять в Германию. Нашей семье удалось вырваться из города и чудом добраться до деревни Верхнее Кривино, что в трёх километрах по дороге из Бешенкович на Сенно, где жила наша дальняя родственница, и поселились у неё. Звали её по отчеству Львовна.

Где-то в конце мая, перед наступлением наших, наблюдалось, что немцы собираются бежать. Утром к дому подъехали на большой повозке, запряжённой битюками (тяжеловозами) два здоровых немецких солдата, распрягли коней и пустили их пастись в огород, где уже вырос небольшой клевер. Сами немцы, покушав, начали косить этот клевер и класть в повозку. В это время Львовна вернулась из соседней деревни и видит такую картину. Она стала просить немцев, чтобы не портили ещё совсем молодой клевер. Но один из них начал кричать на неё и ударил прикладом винтовки. Львовна что-то сердито сказала им и побежала на деревню. Немцы чего-то испугались, спешно запрягли лошадей и быстро уехали в сторону Бешенкович. Львовна вернулась одна, злая.

В деревне Верхнее Кривино в это время находилась штрафная рота немцев (это были немецкие солдаты, которые отказывались воевать). Оказывается, Львовна бежала на деревню к немецкому офицеру-начальнику этой штрафной роты, чтобы он защитил её от произвола. Но немецкий офицер отказал ей в этом да ещё и накричал. Львовна стояла, смотрела на попорченный клевер и плакала...

Вдруг она быстро подошла к стене дома, схватила забытую немцами винтовку и побежала вдоль кустарника к повороту дороги, куда уехали на повозке немцы. Через минут

десять в той стороне раздался выстрел. Кто стрелял? Что там случилось? Мы подумали, что немцы убили нашу Львовну.

Спустя полчаса мы увидели, что Львовна выходит из кустов, волоча по земле немецкую винтовку. Это она догнала своих обидчиков и стреляла в них.

После этого события её стали называть Львовна-партизанка.

Гитлер капут

Эту историю рассказал мне после войны дедушка Семён.

Летом 1943 года в местечке Сиротино (теперь деревня) Витебской области шёл бой партизан с немцами. Дедушка Семён ходил осторожно вокруг своего дома – вдруг пожар. Когда он подошёл к сараю, то увидел, что на другом его конце затаился немецкий унтер-офицер с автоматом в руках. Мимо дедушки пролетел так называемый в народе навозный жук. И в это же время немец быстро повернулся лицом к дедушке – навозный жук угодил в лоб немцу. С широко раскрытыми глазами непрошенный гость крикнул: “Гитлер капут!”, выронил автомат и упал лицом в кучу навоза. Спустя минуту дедушка Семён осторожно подался к лежащему в навозе немцу, думая, что его сразила партизанская пуля. Жук полз по голове “убитого”. Забрав автомат, дедушка быстро удалился и стал наблюдать. Немец лежал, не шевелясь, затем приполнялся, со страхом посмотрел вокруг себя и быстро пополз по огороду в заросли шиповника.

Когда бой утих, дедушка взял вилы (для маскировки и, возможно, для защиты), пошёл к куче навоза. Следов крови, жука, где лежал “убитый” немец, не было.

“Партизаны”

На окраине Витебска перед самой войной в районе улиц 15-ая Полоцкая и 3-я Молотова (теперь 3-я Азина) была построена конюшня, площадка и контора для гужевого транспорта. Пустующие во время войны эти строения дети облюбовали для своих игр.

В летнее утро на площадку возле конюшни приехали немцы с небольшими зенитными орудиями. Офицеры долго ходили по площадке, заглядывали в конюшню, здание конторы, что-то обсуждали. Позже мы узнали, что они искали место для установки своих орудий. Но вскоре почему-то они уехали, забыв свою походную кухню. Мальчишки тут как тут.

В помещении полуразрушенной конюшни в куче каменного угля мы обнаружили винтовочные патроны и несколько гранат. Вот это удача! Решили находку перепрятать, а часть патронов положили в топку походной кухни, гранату – в котёл. Набросали в топку кухни дров, зажгли, а сами спрятались на кладбище, которое рядом. Интересно, как это всё будет?!

И вдруг едут те же самые немцы, наверно, за забытой ими кухней. Когда они подъехали на площадке вдруг стали разрываться в топке кухни патроны. Немцы быстро попадали на землю за свои машины и орудия и приготовились к бою. А их кухня дымит трубой и стреляет. Взорвалась граната, разворотив котёл. И только теперь они поняли, где идёт стрельба. Видимо заметили, что кто-то есть на кладбище и стали осторожно приближаться с карабинами в руках. Как бы не так! Мы же русские мальчишки-сорванцы! Как ветром сдуло нас с кладбища!

Немцы “прочесали” кладбище, но ничего не обнаружили. В это время мы уже были дома и занимались “делом”, как будто мы ни причём. Наверно, немцы догадались, что это проделки

мальчишек, так как не искали “партизан” по домам. В этот же день они уехали, оставив свою походную кухню, как “памятник диверсии партизан”.

Наш атаман – Ванька Козёл

Атаманом мальчишек нашего посёлка в оккупированном немцами городе называли Ваню Козлова. Кличка у него была Ванька Козёл. Было ему двенадцать-тринадцать лет, нам поменьше – семь-девять. Мальчишечьи игры нам были не чужды, но мы занимались серьёзными делами – добывали хлеб насущный. Известно, что голод не тётка.

Наш атаман организовал бизнес, как теперь принято говорить. Мы вели с немецкими солдатами обмен. На базаре покупали сигареты и обменивали их на хлеб и конфеты (что-то у немцев было плохо с куревом). Хлеб – домой, конфеты – на базар, продаём их и снова покупаем сигареты на обмен. Удачно шли дела у нас всю осень. Зимой немцы стали злыми, видимо, из-за холода. И вот однажды, когда мы пришли к ним на обмен, один из них взял сигареты у атамана, а конфет не дал взамен. Когда мы стали объяснять тому немцу, что так честные люди не поступают, он обругал нас на своём языке (мы кое-что понимали), ударил ногой атамана и выгнал нас вон. Так закончился наш бизнес.

В посёлке размещалась полевая пекарня немцев. Они выпекали хлеб и возили на машинах к линии фронта (осень-зима 1943-1944 года), которая была под Витебском. На кладбище возле посёлка вырыли окопы-капониры, в которых ставили и маскировали машины. Каждое утро немцы сначала прогревали моторы, затем загружали машины хлебом и отправлялись к линии фронта. Одним из водителей такой машины был и тот солдат, который оскорбил нас.

Морозным утром немцы стали заводить моторы... Не получается... Они и продували что-то в моторе, выливали и заливали снова бензин в баки – моторы только вздрагивали. Пришёл их офицер, кричал, ругался, сам копался в моторе, но

увы – завести не удаётся. Что случилось? Мороз? Но и вчера, и раньше он был не меньше, а моторы работали исправно. И только во второй половине дня один из них заметил, что что-то торчит из выхлопной трубы машины. Все немцы собрались сюда и с удивлением глядят, что это такое? Да это же деревяшка, конец которой торчал из трубы. Стали вытаскивать, но она не поддаётся. Отсоединили выхлопную трубу, включили мотор, и он заработал. Тогда каждый побежал к своей машине, а их было пять, и увидели, что и в выхлопных трубах их машин тоже деревяшки-пробки, но сидят далеко и вытащить их не удаётся. Пришлось отсоединять эти трубы и выпаливать деревяшки-пробки паяльной лампой.

Сразу же немцы согнали всех жителей близконаходящихся домов к бывшей до войны конторе гужевого транспорта (конюшне). “Кто видел партизан? Куда он пошёл?” – сердито спросил офицер. Все молчали. Офицер пошёл в дом, и к нему под конвоем стали водить на допрос и взрослых, и детей.

Позже наш атаман рассказал нам, что он со своим другом решили отомстить немцам за сигареты и оскорбление. Днём (ночью машины охранялись), когда немцы возвратились из поездки и отдыхали, они незаметно проникли в капониры к машинам и туго забили в выхлопные трубы палки-пробки. После такой “диверсии партизан” немцы стали охранять свои машины и днём, и ночью.

Свисток

Было это зимой. В белых маскхалатах, из-под которых была видна чёрная одежда и знаки отличия эссесовцев, каратели на лыжах с собачьими упряжками (овчарками) нагрянули в наш посёлок. Они повыгоняли нас из домов и устроились на отдых. Женщин заставили стирать их грязное завшивленное бельё. Туалет, который во дворе нашего дома, был для нас недоступен – что-то их гоняло часто.

Я, тогда девятилетний мальчишка, за нашим сараем притоптал глубокий снег и устроился по нужде. Был у меня очень хороший чёрненький свисток. Достав его из кармана, я начал свистеть, продолжая начатое дело. Ещё не закончив, я глянул в сторону – стоит эссесовец с автоматом в руках, глянул в другую – тоже эссесовец. Я поднялся, и в это время эссесовец взял меня за воротник и поволок на дорогу, не дав надеть штанишки. Вдоль улицы стояли в строю эссесовцы с лыжами в маскхалатах и собачьими упряжками.

Эссесовец выволок меня (я только носками валенок касался снега и путался в неодетых штанишках) на середину улицы перед строем и опустил – я упал носом в снег. Оказывается, свисток у них был сигналом сбора. В строю эссесовцев поднялся громкий смех, собаки зарычали.

Ну и досталось же мне от моей матери по тому месту! Бедная, она видела меня на улице перед строем эссесовцев, и у неё в этот момент отнялись ноги, как она сказала.

Секретная мина

Эту историю я подслушал, будучи мальчишкой во время войны в одном из городов оккупированной немцами Белоруссии.

Чтобы выжить и не умереть от голода, женщины, которые жили в городе, вынуждены были ходить по деревням и обменивать вещи, драгоценности на хлеб, картофель, крупу и всё, что могли предложить съестного жители деревни.

В один из таких походов тётя Зина, так звали знакомую моей матери, вместе со своей родственницей ехали в кузове крытой машины, куда посадил из немецкий шофёр за серебряное кольцо. Надо же было такому случиться! “Приспичило”(это слова тётки Зины) ей облегчиться. Просить шофёра остановить машину, чтобы справить нужду, было немыслимо, так как по дороге двигались в обе стороны одна за другой машины, ехали немцы на телегах, запряжённых лошадьми. Что же делать? Больше терпения нет...

Русский человек смекалист, особенно женщина. Был у тётки Зины небольшой мешочек из плотной ткани. Вот в этот мешочек и приспособилась она облегчить свою душу. Приоткрыв задний полог тенда, хотела выбросить этот мешочек, но как на зло, на дороге немцев, как чёрт наслал.

Едут дальше. Вроде затихло движение. И только выбросила тётя Зина мешочек, как неожиданно появился рядом встречный танк. И хотелось бы так сделать – не получилось бы: мешочек угодил как раз на танк и “прилип” на нём. Танк остановился, из него вылез немецкий танкист (они были в чёрной форме), взял мешочек в руки, развязал, глянул внутрь и брезгливо отбросил в кювет. Всё это было видно через дыру в тенде.

Души не было, как говорила тётя Зина. А вдруг догонит... Но немецкий танкист только плевался и зло грозил кулаком уходящей машине, где в страхе ехали две женщины.

Нечистая сила

В нашем посёлке редко у кого сохранился сад. Во время войны немцы вырубili почти все деревья на дрова. Дядя Анисим, верующий человек, староста староверской моленной, и близко не подпускал мальчишек к сохранившимся яблоням около своего дома, но мы, мальчишки-сорванцы, ухитрились проникать в его сад – так хотелось яблок!

В один из набегов дядя Анисим поймал всё-таки одного из нас – Марата. Мало того, что надрал уши, так ещё и отстегал крапивой по заднице. Такого стерпеть мы не могли.

Одна из девчонок, Оксана, которая участвовала в таких набеггах, обычно подстраховывала – “стояла на шухере”, как говорили мы тогда, предложила оригинальный способ, как отомстить за такое варварское наказание нашего товарища. Мы купили килограмм дрожжей, каждый принёс из дома – кто немного сахара, кто – муки. Оксана всё это замесила, поставила дома в тёплом месте, и когда эта масса начала “работать”, мы затолкнули её в нечистоты туалета, который был полон. Дни стояли жаркие... К вечеру второго дня из туалета (он был рядом) во двор потекла зловонная бурлящая масса. Бедный дядя Анисим бегал вокруг плывущих и бурлящих нечистот, крестился, приговаривая: “Сгинь, нечистая сила”.

После таких мероприятий дядя Анисим стал приглашать нас к себе в сад и угощать яблоками.

Был тогда необыкновенный день

Утром 9 мая 1945 года большое количество людей собралось на Сенной площади города, где проходил митинг в этот необыкновенно радостный день.

Бедно, но нарядно одетые люди, были как родные, обнимались, целовались, жали друг другу руки, вытирали накатившуюся слезу.

Солнце улыбалось, звучала необыкновенно прекрасная музыка, дул ласковый ветерок, воздух был как никогда свеж и чист, белые берёзки свежей зеленью приветствовали наступивший день Победы.

Добрых, счастливых людей со светящимися радостью лицами и слезами на глазах, как в песне поётся, я видел в тот день на улицах моего родного Витебска. Это святое состояние людей, которое было и в моём сердце, мальчишки военного времени, запомнилось навсегда.

К сожалению, сегодня не видно на лицах людей той радости, любви, доброты, счастья, вдохновения, надежды.

Кому холодной водички?

Первые годы голодного послевоенного времени...

В воскресенье, в так называемый базарный день, когда народу столько на базаре, что негде яблоку упасть, трое нас, одиннадцати-двенадцатилетних мальчишек, швыряем в толпе людей и громко предлагаем: “Кому холодной водички? Кому холодной водички?” Каждый из нас чисто одет: белая рубашка, вытюженные штанишки – так отправляли наши мамы нас зарабатывать хлеб. Командовал нами Ванька-Козёл (фамилия у него была Козлов), старший из нас. У каждого свой участок. На “работу” – через воскресенье, так как нас было шестеро мальчишек.

Холодную водичку, криничную мы набирали в чистые эмалированные баночки. Кружка стакана полтора попить взрослому – 20 копеек, детям – задаром.

К концу “рабочего” дня каждый из нас выручал (зарабатывал) на целую буханку хлеба или же на два куска чёрного хлеба с маслом.

Вот это было здорово!

Триста граммов хлеба

Послевоенные голодные годы... Хлеб и больше ничего, и только по карточкам. Рабочему 600 граммов, иждивенцу – 300.

Хлебные карточки печатали в типографии на специальной бумаге размером примерно в половину тетрадного листа, где в каждом небольшом квадратике было число месяца и количество хлеба. Получить, точнее купить, хлеб можно было за сегодняшний день, иногда на день вперёд. Каждый, имеющий хлебную карточку, был прикреплен к определённому магазину. Продавец вырезал ножницами такие квадратики в карточке, наклеивал на лист бумаги (кусок газеты) и сдавал с деньгами определённому кассиру.

Получилось так, что хлеб мамы, сестры и бабушки мы получили вперёд, и сегодня утром съели последний кусочек. Остались только мои триста граммов. Больше есть нет ничего, хоть шаром дома покати, как говорила моя бабушка Катя.

Когда я уходил в школу, мама сказала: “Сынок, идя со школы, получи хлеб на свою карточку. К обеду сварим с этого хлеба затирку”. Получив 300 граммов хлеба, который был чёрно-серый, но очень тогда вкусный для голодного мальчишки, я бережно нёс его домой. Когда ступил на порог дома, мама спросила: “А где же хлеб?”. В руках у меня был маленький кусочек хлеба – я съел его, не замечая, видимо, отщипывая по кусочку. Пытался что-то сказать, но, когда увидел слёзы на глазах у матери, у меня, как говорят, отнялся язык. Мама обняла меня и сказала: “Ничего, сынок, переживём”. Мы плакали оба.

КУРСАНТСКИЕ БУДНИ

Что такое Родина?

В начале пятидесятых годов я служил солдатом в Группе оккупационных войск в Германии (позже Группа Советских войск в Германии), начинаю рассказ так, потому что со временем возможно забудем, где иногда мы были и что происходило с нами.

В казармы бывшего военного городка в Магдебурге, где раньше размещались солдаты Паулюса, угнетали нас, советских солдат. В чужой стране и земля, и небо, и воздух не такие, как на Родине, в моей родной Белоруссии.

За территорию городка нас не выпускали в интересах секретности, как нам объясняли, а в городке одни мужики, одни команды, занятия, тренировки, подьёмы, отбои, тревоги и больше ничего.

И вот я еду поездом по моей родной Белоруссии. Меня командировали учиться в военное училище. Где-то под Барановичами утром со слезами на глазах от радости смотрю на поля, леса, речки, деревеньки моей Родины. Утро пасмурное, идёт мелкий дождик, мелькают белые берёзки, дышится легко, а по колее разбитой просёлочной дороги идут три женщины, похоже доярки, в резиновых сапогах, ватниках, о чём-то весело разговаривают, смеются. Молодая из них – девушка машет рукой кому-то в проходящем поезде, может быть, мне – и мне стало так легко на душе... Это моя Родина!

Я в Одессе

В Одессе я впервые – кратковременная командировка. “Вечером идём в Оперный. Я достал (в Одессе не покупают, а достают) билеты. Идёт “Пер Гюнт” Грига” – сообщил за обедом наш товариш по командировке, одессит.

Надо привести себя в порядок. Я зашёл в парикмахерскую на Дерибасовской. В доброжелательной обстановке, что редко встретишь в других местах, меня чисто побрили, красиво подстригли, даже до единого волосика убрали из-за ушей, зеркалами показали, нравится ли мне стрижка сзади. “Да... - сказал я себе, - и у нас научились работать, как на Западе”.

По прейскуранту я должен был уплатить три рубля. Подал “пятёрку”, жду сдачи. Мастер посмотрел на меня как-то странно, достал из столика деньги, отдал сдачи два рубля. Когда я вышел из парикмахерской, мужчина, вышедший следом за мной (клиент) сказал: “Лейтенант, в эту парикмахерскую больше не приходи. Здесь сдачи не дают!”

Одесса есть Одесса!

“Без подарка или угощения из Одессы домой не возвращайся!” – предупредил одессит. На рынке купил у кавказца килограмма четыре гранат – экзотику с юга, его я предупредил, что везти мне их далеко. Когда я похвастался капитану Шукури (Саше), что купил гранаты, он попросил показать их. Посмотрев, сказал: “Закрывай чемодан. Идём! Покажи мне этого кавказца!”

На базаре (в Одессе так говорят) Шукури подходит к кавказцу, открывает мой чемоданчик, берёт один, второй гранат, бросает их на стол, что-то сердито говорит своему земляку, наверно, по-грузински. Кавказец молча берёт мой чемоданчик, вынимает из него гранаты, а туда кладёт другие и значительно

больше, возвращает мой чемоданчик с гранатами, отдаёт мне деньги и говорит: “Извини, геноцвали..”

Оказывается, что кавказец продал мне перезревшие гранаты, и я их не довёз бы до дома.

По завершении командировки мы пошли в одесскую баню, которая в катакомбах. Должен сказать, что баня отменная: хороший пар, веничек берёзовый, водичка что надо. Можно простыню, полотенце взять напрокат. Пиво холодненькое. Анекдоты. Никто никуда не спешит.

Здесь я уже сдачи не ждал...

Мы же русские...

Зашли мы в небольшой немецкий (ГДР) ресторанчик, чтобы отдохнуть и поздравить с днём рождения нашего товарища лейтенанта Романова Женю. В этот вечер ресторан был полон молодёжи – они отмечали праздник любви – День Валентина.

Заказав по стопке коньяка и скромную закуску, мы обратили внимание на подпившую компанию четырёх молодых людей, которые жестами приглашали нас за свой стол. Мы сделали вид, что не понимаем их. Тогда к нам подходит кольер (официант) и преподносит нам троим по рюмке коньяка граммов по 50 и показывает на эту компанию, давая понять, что они угощают нас. У них так принято, если они тебя уважают. Мы в долгу не остаёмся и посылаем им (через кольера) тоже по 50 граммов коньяка. В ответ они нам по 100 граммов, мы им – по 150. И так повторилось ещё три или четыре раза.

Старший лейтенант Чумаков Игорь говорит: “Всё... Уходим!” – и мы подались к выходу, а за нами наблюдают всё присутствующие в ресторане. Когда мы проходили возле стола этой компании, то один из них поднялся и протянул к нам руку, чтобы проститься, но не устоял и упал под стол. В зале раздался взрыв смеха. А мы чётко и ровно покинули этот ресторан.

Забыли (видимо) наши товарищи, что мы – русские.

Пындыр

Культмассовик санатория на одном из вечеров отдыха предложил “Игру в фанты”. Должен заметить, что эта игра довольна интересная. Интересная тем, что неожиданно выявляет таланты, находчивость, лмчность играющего. Заключается она в том, что каждый участник вытаскивает сам свёрнутую в рулончик бумажку (как в лотерее), в которой дано задание: спеть песню, сплясать, рассказать анекдот, прочесть стихотворение, угостить дам конфетами, выступить с речью на собрании, объяснить в любви и т.д. и т.п. По завершении игры победитель получает приз.

И вот лицо кавказской национальности Паркая Шукури (Саша) вытащил фант с заданием прочесть басню. Зал полон внимания. Шукури с серьёзным видом начинает: “Я прочту басню Кырылова “Ворон и лыс”:

Один раз ворон нашёл пындыр,
(по-кавказски это вроде сыр)
Сел на ёлкам и стал кушат.
Рядом лыс бежал,
Хвост пистолэтом дэржал,
Увидал ворон и говорит:
“Ворон, ворон, скажи “кыр”,
А ворон отвэчает:
“Нэ тэ врэмэ, когда ворон говорит “кыр”.
Тогда лыс бежал за ёлкам,
Думал, думал и прэдумал:
Бежыт назад к ворон и говорит:
“Ворон, ворон,
А твой началнык
Гуляэт твой жэна”
Ворон крычыт “кыр” –

Упал пындыр.
Морал: Если твой жэна
Гуляэт твой началнык,
Не говоры “кыр” –
Нэ будэш кушат пындыр.

Шутка

Накануне отъезда товарища в отпуск домой в Россию молодые офицеры по такому поводу хорошо взяли “на посошок”. И пришло им в голову пошутить. Они незаметно положили в упакованный дорожный чемодан пару брикетов торфа. При досмотре на таможне в Бресте офицера попросили открыть его чемодан.

- Что это такое у Вас, товариш лейтенант? - спросил служащий таможни.

- Не знаю, - удивился лейтенант.

- Чемодан ваш?

- Да, - был утвердительным ответ.

Лейтенанта с чемоданом и лежащими в нём брикетами торфа проводили в отдельную комнату.

По возвращении из отпуска в часть лейтенант возмущался (на таможне в Бресте его задержали на двое суток), что товарищи устроили такую шутку, но затем и сам смеялся, рассказывая, как на таможне шла проверка его личности, и что представляет собой обнаруженный в его чемодане брикет.

Пакет-сюрприз

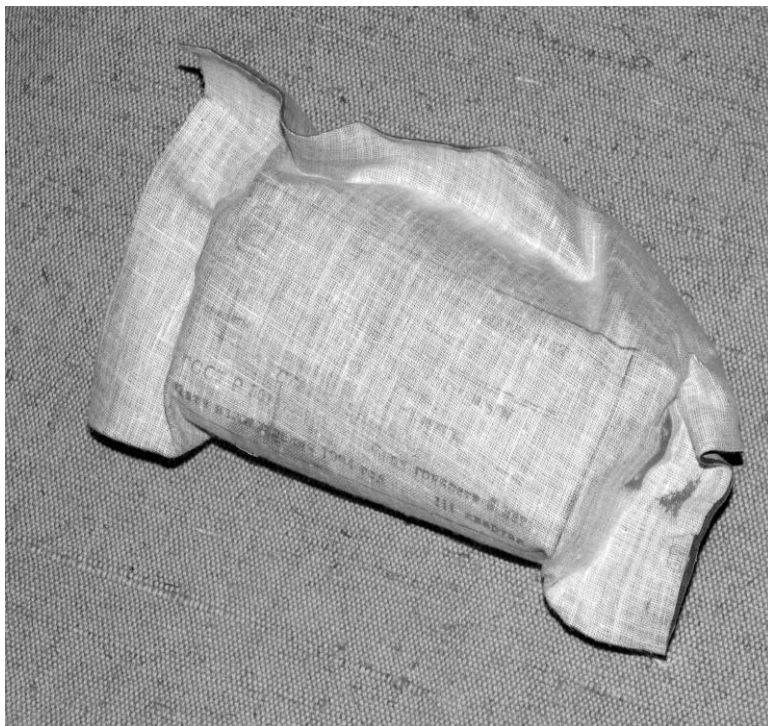
Служил я тогда молодым лейтенантом медицинской службы в Группе Советских войск в Германии. Однажды, когда в очередной раз сопровождал на санитарной машине больных солдат в армейский госпиталь на консультацию, при выезде из ворот городка к машине подбежала молодая жена офицера. “Стойте!” – кричала она. Водитель остановил машину. Когда я открыл дверь кабины, она, передавая мне увесистый пакет, попросила: “Доктор, передайте это в лабораторию госпиталя”. Я принял пакет, бережно положил к себе на колени, и мы тронулись в путь. Проехав где-то треть пути, я уловил “приятный запах”. Посмотрев вокруг себя, на свои сапоги, я обратился к водителю: “Что это у тебя в машине “приятно” пахнет?” “Товариш лейтенант, сегодня утром я тщательно отдраил машину. Может быть, это оттуда?” – он указал на окошко, где в салоне машины ехали солдаты, и закрыл его.

Едем дальше.. Уже и водитель “крутит носом”. Пооткрывали окна кабины... Невозможно!

“Стой!” – приказываю я водителю. Выхожу из кабины, бережно держу пакет, вижу на моих брюках пятно, коснулся пальцами – мокро. Разворачиваю пакет, а в нём... надо же было ей столько наложить! Водитель с широкооткрытыми глазами смотрит на этот раскрытый пакет, что-то пытается сказать... И вдруг до него дошло – начал безудержно смеяться, приседая и хватаясь за живот.

Немного успокоившись, водитель садится за руль, и мы едем дальше. Вдруг он останавливает машину и сквозь безудержный смех произносит: “Не могу вести машину”. Так повторялось несколько раз. Мне же было стыдно перед этим солдатом-водителем, парнем из Одессы, за столь “прекрасную даму”.

Немного позже, придя в медпункт, она справилась: “Доктор, а где мой анализ? В госпитале его нет”. “В кювете он, дорогая” – культурно ответил я.

Чтобы у каждого было это

“Тревожный чемодан” должен был иметь каждый офицер. Периодически командование части по тревоге поднимало офицеров с целью проверки наличия у них таких чемоданов и наличия в них предметов первой необходимости согласно описи. На всякий случай я положил в чемодан ещё и бутылочку коньяка, возможно придётся “согреть душу” или оказать первую медицинскую помощь – предложить рюмочку при болях в сердце.

В одну из таких тревог генерал, командир нашей части, лично сам устроил проверку. Я открыл свой чемодан, генерал заглянул в него, посмотрел на меня с хитринкой в глазах и обратился к присутствующим: “ Товарищи офицеры, подойдите сюда!” Когда офицеры приблизились, генерал приказал: “ Чтобы у каждого было это в чемодане”, - и показал на бутылку.

“Индейский час”

В военном училище в пятидесятых годах был введён час физической подготовки курсантов. Министром обороны Союза в то время был Г.К.Жуков. “Тяжело в ученье – легко в бою”, – сказал когда-то Суворов.

В начале мая курсанты покидали стены казармы и отправлялись в летние лагеря. Вот тогда и начиналась эта физическая подготовка, как следует, особенно для курсантов первого года обучения. В шесть часов утра – подъём. Вскочив из постели в одних трусах, сразу же в строй и бегом по пересечённой местности три километра, невзирая на характер погоды, по принципу, чем хуже – тем лучше. Бр-р... Зябко. Ничего, скоро согреемся. Босые ноги омывает роса. Уже прошиб пот. Заденешь влажный куст – и он обдаст тебя утренней влагой – хорошо!

Вот и стадион. Немного устали. Духовой оркестр встречает весёлой музыкой “казачок” – поднимает дух. По дорожке стадиона бегом ещё один круг. Физзарядка – комплекс 16 упражнений. Команда: “К снарядам” (спортивным). Крутимся, вертимся, прыгаем. Особенно “приятен” некоторым прыжок через “кобылу”... Бежим к речке и бросаемся в воду – благодать...

Так было вчера, а сегодня после трёх километров – команда: ” Штурмовая полоса! По одному! Пошёл!” Самое “приятное и безопасное” на штурмовой полосе – это проползти голым под колючей проволокой. Наконец, последнее препятствие – ров до трёх метров ширины, после дождя наполненный водой, – не хватило сил перемахнуть – “приятно” освежиться. Всё. Бежим к речке и бросаемся в воду – благодать.

Возвращаемся к палаткам. Приводим в порядок постели, себя. Команда: “Стройся! На завтрак в столовую шагом марш!

Левой, левой! Запевай!” Что-то не поётся. Некоторых тошнит, у других не хватает духа. Ничего! Сейчас подкрепимся. Но есть не хочется. Надо бы немного отдохнуть. Так было вначале. Но потом, через две-три недели: бодрый дух, настроение хорошее, хороший аппетит, и песня получается. Готов к бою! Молодцы курсанты!

“Индейский час”. Так мы называли этот час физической подготовки.

Странная командировка, или как у нас делается иногда

“Товарищ лейтенант, приказываю Вам доставить рядового Ильина, санитаря вашего медпункта, в штаб бригады. На КПП ждёт машина, вас отвезут на вокзал”, - сказал подполковник Джусунов, вручая мне проездные документы.

Через несколько минут мы уже ехали поездом в пассажирском вагоне. По прибытию в Дрезден (тогда ГДР) на остановке ждём трамвая, чтобы добраться до указанного нам места. “Товарищ лейтенант, здесь у меня в городе знакомая девушка, заглянем”, - предложил Ильин. “Не успеем явиться ко времени”, - ответил я. Подошёл трамвай, и мы поехали в штаб части.

На КПП нас уже ждали. Ильина с чемоданом капитан (потом я узнал, что он “особист”) приказал увести в соседнюю комнату, а у меня спросил: “А где Ваше оружие?” “Мне не приказывали иметь его при себе”, - удивился я. Капитан поговорил с кем-то по телефону и приказал: “Идите и возьмите пистолет у Вашего начальника”. Когда я обратился с вопросом к начальнику медицинской службы подполковнику Барышеву, что случилось, он ответил: “В армии приказы не обсуждают, а исполняют” – открыл сейф, достал из него пистолет и отдал его мне. Я вернулся на КПП. Капитан вручил мне запечатанный пакет и проездные документы: “Будете сопровождать рядового Ильина до Франкфурта-на-Одере на сборный пункт”.

В дежурной машине сидели Ильин и сержант с автоматом. Нас отвезли на вокзал Дрездена, откуда пассажирским поездом мы отправились в Франкфурт-на-Одере. В дороге Ильин жаловался на боли в животе, несколько раз ходил в туалет в сопровождении сержанта. Рассказывал, что дома у него молодая жена, маленькая дочка, отец, мать, сёстры,

братья. Родом он с Алтая, где очень красивая природа, добрые люди.

Подъезжая к городу Котбус, Ильин вновь пошёл в туалет. Вскоре поезд остановился. Ильин не выходит из туалета. Сержант пробовал открыть дверь туалета – заперта. Когда сержант пролез под вагоном поезда на другую сторону, то увидел убегающего Ильина, дал очередь из автомата вверх. Ильин остановился... К ним приближались немецкие полицейские.

Оказалось, что Ильин через окно туалета пытался бежать. Пока мы разбирались вместе с полицейскими, что случилось, поезд ушёл. Полицейские отвезли нас на машине в Франкфурт-на-Одере. У ворот сборного пункта мы распрощались. Я поблагодарил их за оказанную помощь. Офицеру сборного пункта я отдал пакет и доложил о случившемся. Ильина здесь же обыскали, забрали его чемодан и увели.

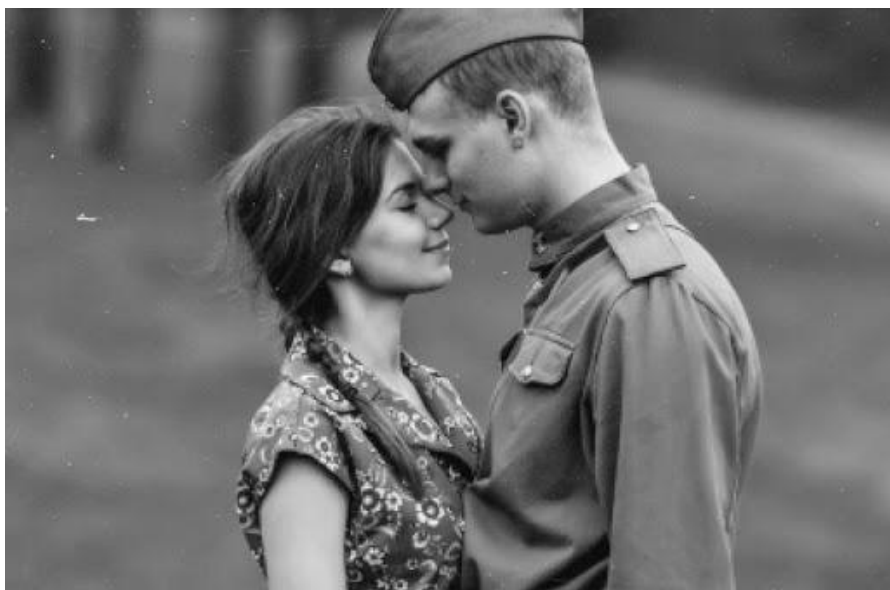
Было время обеда. Я зашёл в столовую и присел за столик к офицерам, которые уже обедали. Разговорились. Оказывается, что они здесь уже не первый раз в командировке по случаю “сопровождения” провинившихся солдат.

Позже мне стало известно, что рядовой Ильин встречался с семнадцатилетней немецкой девушкой, когда ещё медпункт находился в Дрездене. Девушка приходила на свидание к Ильину на территорию городка через лаз в заборе. Медпункт не так давно перебазировался в другой населённый пункт. Уже около месяца она не могла найти Ильина. Солдаты сказали ей, что он в другом городе.

Днём раньше моей “странной” командировки на КПШ бригады пришла её старшая сестра и спрашивает, где солдат Ильин, заявила, что её сестра беременна от него. По закону ГДР в то время в таких случаях, когда девушка беременна, мужчина, с которым она встречалась, обязан был взять её в жёны.

Дежурный офицер КПП попросил её подождать, пока он выяснит обстоятельства, и ушёл. Спустя минут двадцать, он возвратился и заявил, что солдат Ильин сейчас в Союзе, где проходит службу в армии.

Странность этой командировки в том, почему при таких обстоятельствах и в таком виде была необходимость “сопровождать” солдата Ильина на поезде, а не на машине.

Тревога

2 мая 1959 года американский разведовательный самолёт У-2 вторгся в воздушное пространство СССР. В группе Советских войск в Германии объявлена боевая тревога... Офицеры и солдаты заняли свои боевые места, но произошёл сбой в управлении и обеспечении некоторых звеньев боевой готовности. Оказалось, что так называемые вольнонаёмные – жёны офицеров, которые на некоторых участках обеспечивали связь, службу медицины и службу тыла, схватили свои чемоданы и с детьми прибежали к штабу части с требованием срочно отправить их в Союз.

Такое положение дел было исправлено в течение недели. Всех жён офицеров, которые были задействованы в службах, как вольнонаёмные, уволили, а на их места прибыли из Союза незамужние молодые женщины и девушки.

Немного юмора. В это время родился анекдот. Всех таможенных работников и пограничников Бреста отдали под трибунал – пропустили несколько честных девушек.

В карауле

Курсантский взвод медицинского училища заступил в караул. Начальник караула – сержант Зеленков. Где-то в одиннадцатом часу ночи, когда сменные часовые отдыхали, в караульное помещение вошёл дежурный по училищу подполковник медицинской службы – преподаватель хирургии. Побеседовав с курсантами о том, о сём, он ушёл.

Не успел, видимо, подполковник и десяти шагов сделать, как открывается дверь, и испуганный часовой из караульного помещения спрашивает: “А что говорил подполковник?”. “Ничего особенного, спрашивал о доме, об учёбе”, - ответили ему товарищи. “Ох... А я думал , - и продолжает, - присел я на ящичек у дверей и, наверно, уснул. Чувствую, что кто-то по плечу меня хлопает. Открываю глаза - подполковник... Я встать, он говорит: “Ничего, отдыхайте!”

Откуда было знать фронтовику, до войны гражданскому врачу, что такое караульная служба, когда он всю войну простоял за операционным столом.

Шпаргалка

Идёт теоритический зачёт по топографии. Курсанты военного училища по одному подходят к столику в беседке летнего лагеря, берут билет и громко произносят его номер. Полковник Берестов внимательно слушает. Курсанты отвечают чётко и правильно. Он доволен!

Но постепенно у него возникают сомнения. Полковник Берестов задаёт дополнительный вопрос (вопрос из другого билета), и курсант волнуется, отвечает путано и неточно. В чём дело? Шпаргалки? Но как и кто мог их передать, когда другие курсанты сидят на скамьях далеко от беседки. Полковник стал наблюдать, но ничего не замечает. Затем он поднимается из-за стола и идёт к курсантам, сидящим на скамьях. Вдруг остановился, наклоняется, поднимает очки на лоб и вимательно смотрит на землю... По канавке в нвправлении к сдающим зачёты курсантам бежит большой чёрный жук и тащит шпаргалку. Достигнув столбика скамьи, где сидит и готовится очередной курсант, жук останавливается. Полковник берёт шпаргалку, а жука поворачивает в обратную сторону, и жук бежит назад по канавке.

“Да... Вот это прогресс! Десять лет преподаю топографию, но не знал, что жуки бегают по азимуту! Это же цирковой номер!” – удивляется полковник Берестов.

Подполковник Русаков

Боевой тактике курсантов учил подполковник Русаков. Теоритический курс читал он обычно в первые часы занятий, после сытного завтрака. За окном зима, идёт снег. В аудитории тепло, тихо, только слышен спокойный голос лектора, да иногда, неопределённый шум на задней скамье –

кто-то, видимо, видит сны, а его приводят в чувство товарищи.

И вдруг подполковник ударяет тростью (он прихрамывал) по столу и подаёт команду: “Встать, кто спит!”. Половина курсантов в аудитории вскакивают, стоят и водят глазами – соображают – где они. “Садитесь”, - с улыбкой говорит подполковник, и лекция продолжается до следующей команды.

На “поле боя” тактику осваивали “практически”. По команде “окопайся” грызём мёрзлую землю сапёрной лопаткой, а она не поддаётся. Вот курсант “окопался”, спрятал голову за бруствер “окопчика” – подполковника не видно. А подполковник, обычно, присядет и видит. У кого из “окопавшихся” видна задняя часть. Он подходит к “окопавшемуся” и как врежет тростью по этой части. “Больно, товарищ подполковник!” – хватается за это место курсант. “А если пуля?!” – не то спрашивает, не то сочувствует подполковник.

Так воспитывал лентяев наш подполковник Русаков.

В ресторане

Не ради хвалы и хулы, а ради обиды, что мы такие, мягко говоря, некультурные, представлю вам, как два противоположных, разных полюса, обслуживание в ресторанах у нас в Союзе, а, может быть, и сегодня, и на Западе, скажем, в Германии, Франции.

Когда войдёшь в ресторан, к примеру, в Германии, вас встретит у дверей кольнер, приветствует вас и проводит к свободному столику, пригласит присесть, подаст стул вашей даме, предложит выпить сока, который уже стоит на столике в графинчике, примет заказ. Пройдёт несколько минут, и вам накроют на стол, вашей даме и вам наполнят бокалы вином, пожелают приятного аппетита. Если вам что-нибудь нужно, подзываете кольнера, он тут как тут. Вы отдыхаете, никто вас не беспокоит. Для расчёта подзываете кольнера, и вы получите счёт. Можете деньги оставить на столе и уйти.

Когда зайдёте в ресторан у нас, в бывшем Союзе, да и сейчас, то стоишь у дверей, и никто не обращает на вас внимания, а вы ищите глазами свободное место. Ура! Нашли. Присели... сидите, сидите... Наконец, подходит к вам официантка с казённым лицом, сделав вам одолжение, примет заказ. Ждёте, ждёте... на часы посматриваете. Когда же?! Возможно, забыли про вас.

О, счастье! Вам приносят заказ. Вы ещё и не приступили к трапезе, как над вами уже стоит официантка и требует “С вас ... рублей!”

Итак, приятного вам аппетита! Будьте здоровы.

Лапша, кругом лапша...

Нынче модна реклама. Куда ни кинь: реклама, реклама, По радио, по телевидению так уж обрабатывают тебя, что получается обратный эффект.

Вот так было и советские времена, но тогда была не реклама, а были лозунги. Например, лозунг на проходной завода: “Товариш, твой долг помочь отстающему!”. Две бригады строят дом. Бригада Иванова вырыла котлован на участке бригады Петрова. Петров спрашивает: “Зачем вырыли этот котлован?” Иванов отвечает: Мы решили помочь вам, чтобы быстрее шло строительство”. Петров: “Здесь должны быть сейчас подъездные пути, котлован потом рыть будем. Зарывайте!”

Или такой лозунг: “Выполним пятилетку за четыре года!” Позвольте, у нас же плановое хозяйство, где всё рассчитано по времени и по порядку. Куда девать целый год? Бессмыслица.

На карнизе завода вначале шестидесятых – лозунг “Нынешнее поколение будет жить при коммунизме!” Выходит, что я, студент, будет жить при коммунизме. Усомнился. Стал анализировать происходящее. Пришёл к выводу – лапша на уши.

А они живут лучше нас

Лет десять спустя встретил я товарища по военному училищу, в котором мы учились в середине пятидесятых годов.

“Ну как живёшь?” – обычно мы спрашиваем друг друга. Мой товарищ вздохнул и говорит: “Спрашиваешь... Вот послушай, что расскажу я тебе...” И он поведал, как служил после окончания училища в Германии:

“Немецкие женщины уважали нас, русских офицеров, особенно холостяков, потому что меньше возможных осложнений. Многие из них остались во время войны молодыми вдовами, девушки не вышли замуж, потому что не было за кого. Были среди них и так называемые “свободные” женщины, которые состояли на учёте и их полиции и медицинском учреждении. Должен заметить, что отношения немецких женщин и девушек с нашими офицерами были довольно чистыми и романтическими. Многие из них и поженились бы, если бы не чинили им препятствия наши политики и чиновники. Но об этом как-нибудь в другой раз.

Ночью была объявлена тревога в нашей части. Оказалось, что старший лейтенант Князев, законченный холостяк, отсутствует. Посыльной доложил, что на квартире его нет, а товарищи его по комнате сказали, что он у подружки, но где, они не знают.

В эту ночь я был помощником дежурного по части. Дежурный приказывает мне: “Вот Вам адрес (видимо справились у немецкой полиции – они знают всё), доставить старшего лейтенанта Князева.

Едем вдвоём с водителем машины по улицам небольшого немецкого города. Погода осенняя, идёт мелкий дождь, прохладно. Вот мы и у цели. Вхожу в небольшой дворик двухэтажного домика типа коттеджа, иду по дорожке к двери,

звоню (колокольчик). Дверь открывает молодая женщина в длинном махровом халате. Объясняю, что мне нужен старший лейтенант Князев. Она уточняет: “Серёжа?”, - и приглашает меня войти. Я последовал за ней. “Серёжа, тебя спрашивают,” – говорит она, открыв дверь соседней комнаты. В проёме дверей появляется Сергей. “Я мигом”,- понял он, глянув на меня. “Серёжа, душ. Товариш лейтенант подождёт”, - и она подаёт ему чистую простыню. Меня приглашает в другую комнату, предлагает присесть и рюмку коньяка. Я отказался: “Служба”. “Айн момент”, - и она ушла.

Я стал рассматривать окружающее меня. На окнах шторы, два мягких кресла и журнальный столик, цветы в вазе, сервант, на нём дорогие часы, на стене небольшая картина, где вдалеке замок, ближе – водопад и речка среди камней, столетний дуб над речкой... “Чудесная картина. Нравится?”- возвратилась хозяйка. Теперь на ней было длинное голубое платье, туфли на высоком каблуке. Видимо, успела поправить причёску, сделать неяркий макияж. В комнату торопливо вошёл Сергей. Перед нами стояла необычно привлекательная молодая женщина... И так не хотелось покидать этот светлый, тёплый, уютный уголок, но увы, - тревога.

Было время присмотреться, подумать и сравнить, как живём мы - победители, И как живут они – побеждённые. Мои отец с матерью, сестра, брат живут в двух маленьких комнатах в доме барачного типа. Кухня общая с соседями, удобств никаких. Одеты бедно, еды небогато, но самогонкой меня угощали. Был 1958 год. Рассказал я отцу о своих думах, об обиде, почему побеждённые нами живут лучше нас. Отец – фронтовик, победитель, инвалид войны только вздохнул”. Так закончил свой рассказ мой товариш. Вспомнил я об этом много позже, когда Германия предложила свою помощь узникам концлагерей. Да... обидно и стыдно!

Оскорбление личности

Мы, молодые лейтенанты, проводили старый и встречали Новый 1959 год в Доме офицеров в городе Дрездене.

Наше внимание привлекла чудесная пара – красивый, гусарской выправки старший лейтенант и столь же прекрасная блондинка в розовом платье “колокольчик”. “А знаете ли вы, кто они? – загадочно спросил самый скромный и интересный лейтенант Белов, - сейчас я вам расскажу необычную историю об этой паре”.

Он, старший лейтенант Берестов Александр из Подмосковья, Саша, она – немецкая девушка, теперь уже жена его. Зовут её Майя. Познакомились они в клубе танцев, куда были приглашены наши молодые офицеры. Она пригласила Сашу в гости, познакомила с родителями. Отец её коммунист, работает инженером на фабрике, мать – учительница, младший брат учится в школе. Майя год тому назад закончила школу, сейчас учится в институте, будет учительницей, как её мать.

С каждой встречей их дружба крепла, пришла взаимная, красивая любовь. Они почувствовали, что не могут жить друг без друга, решили пожениться. Саша написал домой об этом и попросил благословения родителей. Родители Майи восприняли решение дочери с пониманием. Предстояло оформить брак. Вот тут и начались курьёзы.

Власти ГДР приветствуют решение молодых соединить свои судьбы, препятствий никаких не чинят. Что касается наших, то за это дело взялись политики и чиновники. Старшего лейтенанта Берестова вызывают в “особый отдел”, проводят с ним “беседу”. Командование части отправляет его в командировку... Но все старания наших помешать счастью молодых оказались напрасными – опоздали. Об этом уже стало известно в широких слоях немецкой общественности, да и Саша

оказался настоящим мужиком, устоял против всех козней. Брак оформили. Сыграли интернациональную свадьбу. Власти ГДР подарили молодым квартиру с обстановкой, глава ГДР Вильгелм Ульбрихт – машину. Ну и наши не ударили лицом в грязь – раскошелились – ковры, домашняя утварь, расходы на свадьбу. Мы же русские, гулять так гулять.

“Они счастливы. Я им завидую”, - как-то грустно произнёс Белов и замолк. “Кстати, почему ты сегодня не пригласил свою знакомую студентку? Прелестная девушка”, - поинтересовался у Белова лейтенант Ильин. “Неприятности у неё какие-то. Уехала к родителям. Ведь они живут в другом городе”, - вздохнул Белов и ушёл.

На третий день после Нового года меня “пригласили” к помощнику по комсомолу политотдела. Старший лейтенант Смирнов, наш комсомольский вожак, сказал: “Товариш майор желает побеседовать с Вами” и вышел. “Лейтенант Королёв, - обратился майор ко мне, - вы часто посещаете рестораны наших друзей?”. Я догадался, что товариш майор - “особист”, и ему всё известно. Почему он задаёт такие вопросы? “Как придётся” – ответил я неопределённо. “А Вы знаете, что есть директива по этому поводу? - продолжает он. “Я не знаком с такой директивой, которая запрещает посещать рестораны и культурные заведения”. “Хорошо. А девушка у Вас есть?” – интересуется майор. “Есть, но она дома в Белоруссии” – отвечаю ему. “Я имею в виду немецкую девушку” – уточняет он. “Меня ждёт девушка дома” - толкую майору. “Советую Вам, лейтенант, не встречаться с немецкими девушками, а то попадёте – женят Вас, а потом разбирайся с Вами, приданое каждому подавай. Так и государство можно разорить”. Это был не совет, а приказ.

“Предупреждаю, о нашем разговоре никого не посвящать” – дал понять майор, что разговор закончен.

“Товариш майор, - обратился я к нему, как бы не поняв, - а что есть директива, которая запрещает жениться?” “Лейтенант, а чем Вы будете кормить свою жену в Белоруссии? Бульбой?!” – резко произнёс товариш майор.

Ну это уже оскорбление! Если бы такое да во времена Пушкина, я бы вызвал его на дуэль.

Следующий Новый 1960 год мы встретили также, но без лейтенанта Белова. Он вскоре после встречи Нового 1959 года был переведён служить в Союз – опоздал сделать предложение немецкой девушке.

Кстати, все мы прошли обработку у товарищей майоров. В том числе и лейтенант Белов немного раньше нас.

Имена и фамилии изменены

ЗАМЕТКИ МОЛОДОГО ВРАЧА

Хочу на тот свет

Будучи студентами медицинского института, мы проходили практику в одной из районных больниц Витебской области.

Сестра пригласила очередного пациента. В кабинет вошла старушка, поздоровалась и, оглядев кабинет, спросила: “А где же Наталья Павловна?” “Сегодня Вас примут вот эти новые доктора”, - ответила медсестра и указала на нас, сидящих за столом. Приём больных мы вели вдвоём с товарищем.

Старушка недоверчиво взглянула на таких молодых врачей и растерялась. “Присядьте, бабушка, - как можно доброжелательнее сказал мой товарищ, - что Вас беспокоит?”

- Меня ничего не беспокоит, а всё болит в пельках.

- “?” – мы переглянулись и подумали оба, что мы чего-то не доучили. Попросили бабушку показать, где у неё болит. Она показала на грудную клетку сверху возле грудины. Внимательно осмотрев старушку, выписали ей лекарства, дали совет и попросили, чтобы она пришла на приём к врачу завтра. Она поблагодарила нас, низко поклонясь, и вышла из кабинета.

В конце приёма пришла Наталья Павловна (она вела у нас практику), справилась, как мы провели приём больных, проверила записи в амбулаторных картах больных и дала задание на следующий день. Мы спросили у неё, что такое пельки. Прежде чем ответить на наш вопрос, Наталья Павловна рассказала нам случай из своей практики.

Приходит к ней знакомая женщина, которая уже неделю лечится у другого врача, и говорит: “Наталья Павловна, я хочу на тот свет!”

- Что Вы, Елена Николаевна! Рано Вам ещё на тот свет! Вот подлечитесь у Игоря Васильевича и будете здоровы.

- А я надеялась, что Вы поможете мне, - обиделась знакомая.

- Что Вы говорите, милая. Я же врач.

Но Елена Николаевна продолжала умолять врача, чтобы он помог ей попасть на тот свет.

Как позже выяснилось, Елена Николаевна имела в виду физиотерапевтическое лечение синим цветом лампы. А “пельки” – так называемая грудино-ключичное соединение на белорусском языке.

Взятка

Случилось это лет сорок назад. Был я тогда молодым начинающим врачом, прибывшим в Лиозно по распределению. Работал на приёме, мотался по вызовам на район. В один из таких выездов и произошла эта история.

Поступил звонок из одной отдалённой деревушки. Приезжаю, захожу в низенькую кособокую хатку:

- Есть кто дома? Хозяюшка, кто врача вызывал?
- Тута я, мил человек. Худо мне.

В закуточке за печкой увидел старушку, маленькую, сухонькую, в белой косыночке.

- Что случилось, бабуля? Какие жалобы?
- Да вот, захворала, родимый, хоть помирай. А мне никак нельзя, внука дожидаться хочу. Он у меня за границей служит, в Афганистане. Обещался приехать аккурат на мой день рождения. Я ж, милый, девяностый годок на свете живу. Сейчас помереть никак нельзя, внучка дожидаться надо. А то приедет кровиночка моя, а бабка уж на погосте. Нехорошо. А уж повидаю, тогда и помру со спокойной совестью

Осмотрел я старушку. Оказал необходимую медицинскую помощь, оставил нужные лекарства (врач на вызове обязательно имел при себе так называемую укладку первой медицинской помощи), рассказал, как эти лекарства принимать, что из травок попить, чтоб на ноги встать. Врач на вызове не только медицинскую помощь оказывает, но в роли модного ныне психоаналитика выступает. Бабушка мне про жизнь свою нелёгкую поведала, да всё внучком хвалилась, какой он у неё замечательный, да что скоро должен быть в гости. Она б и рада ещё пообщаться, но пора мне было уходить, другие пациенты ждали.

Прощался я со старушкой, пожелал ей скорейшего выздоровления и к выходу... А бабуля меня за руку

удержала, достала из-под подушки и суёт в ладонь скомканную замусоленную “трёшку”.

- Бабушка, - объясняю ей, - у нас вызов врача на дом, как и всё медицинское обслуживание, бесплатный.

- Это тебе, доктор, за внимание и доброту. Я ж, милый, не поправлюсь, если ты денежку не возьмёшь. Не обидь старую, не побрезгуй...

Поверьте, я, молодой, неопытный, растерялся, как никогда. Что делать в такой ситуации? Деньги взять не могу – моральные принципы не позволяют. А не взять – старушка и впрямь от расстройства на поправку не пойдёт. Психологическая установка иной раз посильнее лекарства будет. Взял.

День спустя я снова у старушки с повторным осмотром. Захожу в дом. Хозяйка в кухоньке у печи хлопочет. Хоть и слабенькая, но справная. Всё-то у неё в руках спорится.

- Полегчало мне, доктор. Вот внучку его любимые пирожки пеку. Угощайся, родимый.

Оборачивается ко мне с тарелкой горячих пышных пирожков. А у меня в руках красивый букет цветов и большущая коробка конфет, купленных на “взятку”.

- С днём рождения Вас, бабушка! Это Вам от всех ваших внуков. Не хворайте и живите ещё долго-долго.

Понятно было, что эта женщина не часто в жизни получала подарки. Тем приятнее было видеть, как заблестели у неё от счастья (а может от слёз) глаза, как рада и благодарна она была вниманию. И никакие бы лекарства не помогли бы ей так, как забота и хорошее отношение. Вот такая была “взятка”!

Не стучи кулаком...

(Совет)

Будучи заместителем главного врача, я допустил непростительную ошибку...

В начале рабочего дня две санитарки больницы, громко споря и ругаясь меж собой, вбегают в кабинет. Перебивая одна другую, что-то хотят сказать, но тут же вновь заводятся. Все мои старания и секретаря-машинистки успокоить их напрасны. Как же их успокоить? И я вспомнил Нагульного из “Поднятой целины”, как он успокоил разбушевавшихся мужиков выстрелом из нагана. “А что, если...”, - подумал я, подмигнув секретарю-машинистке. И я ударил кулаком по столу, да так, что лежащее на нём стекло разбилось, создав громкий звук.

Женщины враз притихли, широко раскрыв глаза и разинув рты от неожиданности. “Пожалуйста, выйдите за дверь, успокойтесь. А затем заходите по одной и объясните, что случилось”, - спокойно преложил я им. Они, оглядываясь, покинули кабинет. Проходит минута, вторая – не заходят. Прошу секретаря-машинистку пригласить их. “Стоят в коридоре и мирно беседуют”, - сообщает она. На мою просьбу зайти в кабинет, ответили : “Не пойдём!” По всей больнице, а может и за пределами её, разнесли они новость: “Это же надо, стучит на нас кулаком!”.

Мой совет: если Вы даже самый маленький начальник – не стучите кулаком.

ОХОТНИЧЬИ БАЙКИ

Сохатый

В конце августа мы втроём возвращались после охоты на тетерева в деревню к родственнику нашего товарища Сергея Лаврова. Уставшие за день, с небольшой добычей (всего один черныш) шли мы перелеском по заросшей тропе. Выйдя на поляну, увидели невдвлеке сохатого, который стоял и глядел в нашу сторону. Наша молодая собака, пойнейер, бросилась к нему с лаем, но он не обращая на неё внимания, стал приближаться к нам . Мы стали улюлюкать – никакой реакции. Сделали выстрел вверх. Лось продолжал идти в нашу сторону. Иногда зверь идёт к человеку за помощью, но этот сохатый по виду вполне здоровый, да и вид у него был воинственный – сейчас гон у них.

Мы стали уходить от него сначала шагом, затем бегом. Он за нами. Что делать? Заряды у нас дробовые, да и лицензии нет. Мы взобрались на один из небольших стогов сена, которые стояли на поляне. Кто его знает, какие у него намерения. Сохатый подошёл к стогу, на котором мы нашли убежище, остановился, затем несколько раз обошёл стог и начал рогами расбрасывать его. Мы сделали ещё выстрел в воздух, а он все равно продолжает своё дело. “Давайте мелкой дробью по рогам ему врежем”, - предлагает Лавров. “А не будет хуже, - усомнился я, - да и поранить можно”. “А я по отросткам ему... - сказал Лавров и, прицелившись, выстрелил. Сохатый мотнул головой. Лавров вторым выстрелом вновь по отросткам рогов.

Лось прекратил расбрасывать стог, постоял немного, мотая головой, а затем развернулся и рванул в лес. Полчаса мы не слезали со стога, а вдруг он вернётся. Озираясь, покинули поляну.

В дерене мы узнали, что этот сохатый уже не раз преследовал людей. Жители окружных деревень боятся ходить в лес.

Было решено отстрелять сохатого. Получив лицензию, бригада охотников прибыла на место, сделали загон. Теперь сохатый (видимо грамотный был) несётся, ломая кустарник. Егерь Снегирёв, уловив цель, сделал выстрел. Лось, сделав несколько прыжков, рухнул наземь. Снегирёв осторожно подходит к нему и видит – лось рогами застрял в корнях поваленного дерева (выворотня). Длинным ножом (“тесаком”) Снегирёв перерезал “горло” сохатому, чтобы сошла кровь. Собрались охотники, кольями выворотили голову лося из корней, выволокли его на просеку, погрузили в машину и увезли.

Когда снимали шкуру с сохатого, то не обнаружили, куда попала пуля. “Слушай, Снегирёв, ты же зарезал сохатого? А если бы он очнулся?” – сказал охотнику. И только при внимательном осмотре обнаружили, что у сохатого отколот пулей один из больших отростков рогов.

Хитрый заяц

Как только вышли мы за деревню, наши гончие собаки подняли серого и, заливаясь, погнали его к болотине, заросшей лозняком и осинником. Нас, четверо охотников, быстро разошлись вокруг этой болотины и ждём, когда появится косой. Обычно заяц, сделав круг, возвращается примерно к тому месту, где его подняли. Прошло минут десять, заяц не появляется, не слышно и не видно наших собак. Мы подались вглубь болотины по следам.

Пройдя около полукилометра, вышли на небольшую поляну с поваленной толстой осиной, которая застряв макушкой в ельнике, была наклонена под небольшим углом. Здесь же были и наши собаки, которые беспокойно вели поиск. Обойдя поляну (обрезав), мы не нашли следов выхода косого. Вернулись назад на поляну. Где-то здесь затаился он. Внимательно приглядевшись, обнаружили на высоте примерно пяти метров в развилке поваленной осины притаившегося серого. Видимо, не впервой уходил он так от собак. “Пусть живёт хитрец”, - решили мы и покинули поляну.

Интересно было бы понаблюдать, как он взбирается туда и спускается обратно.

Вот это выдержка! *(рассказ бывалого охотника)*

Был я в то время ещё молодым охотником, набирался опыта и навыков у стариков. Попадало мне от них за горячность на охоте.

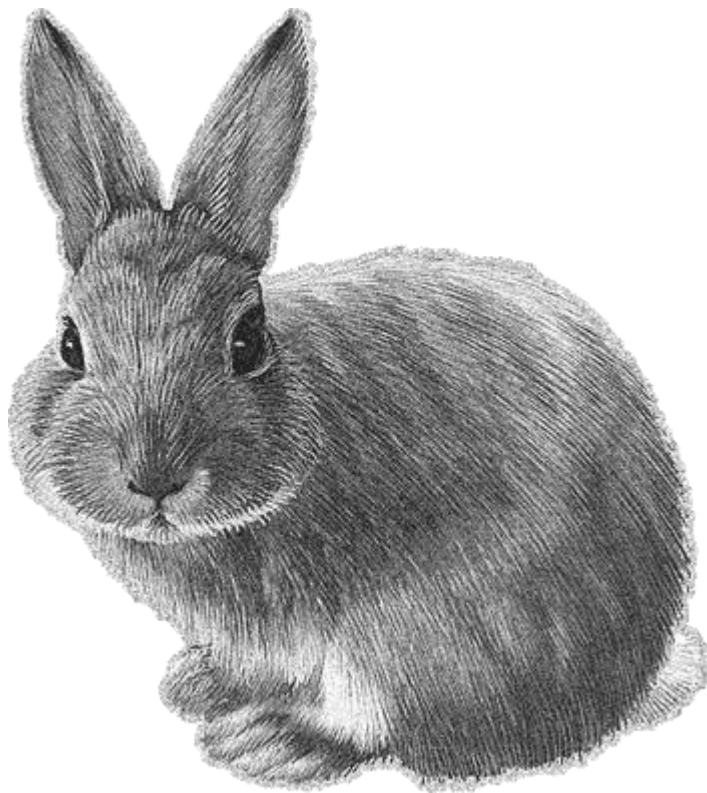
В начале ноября открылась охота на пушного зверя. Как раз выпал небольшой первый снег. Где же усидишь дома?

На охоту с нами отправился наш общий знакомый Михаил Семёнович Ильин с фотоаппаратом. Собак у нас не было, и охота предстояла с подхода. По первому снегу зверь лежит плотно, чтобы не выдать свой след и пока он не голоден. Походили мы довольно долго, но ни одного зайца не подняли, да и следа их не видели.

И вдруг наш фотолюбитель Ильин показывает рукой (он был сбоку от меня на небольшом расстоянии) вперёд в направлении от меня. Я посмотрел в ту сторону и увидел на расстоянии выстрела небольшой серый комочек, похожий на лежавшего зайца. Стал подходить ближе, изготовился к выстрелу. “Поднимайся!” – кричу я, но серый ни с места. Ильин, сделав несколько снимков, кричит: “Заяц! Стреляй!”. Как же стрелять в лежачего? Не интересно. Бросил я в сторону серого комочка небольшую корягу – не поднимается. “Сидит! Стреляй!” – кричит Ильин и прицеливается фотоаппаратом. Видимо, хочет заснять интересный момент, подумал я и выстрелил в серый комочек, заметив позади его снежное облачко. “Сидит!” – снова кричит Ильин. Прицеливаюсь основательно, стреляю. Серый комочек на месте, только изменилась его форма. Перезаряжаю ружьё, и в этот момент поднимается косой и уходит.

Когда мы подошли к тому месту, откуда поднялся заяц, то увидели, что он лежал за бугорком, поросшим рыжей травой и хорошо был виден Ильину сбоку, а я принял этот бугорок за серого.

Надо отдать должное выдержке этого “трусливого” создания, так как заряд пролетел над ним и выбил довольно глубокую ямку позади его.

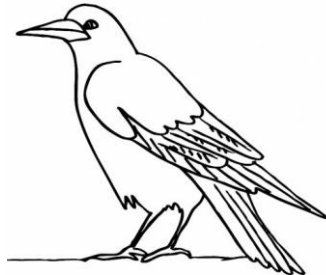

Молодые грачи

Отец вернулся с войны в конце мая прямо из госпиталя. Последний раз он был тяжело ранен в марте 1945 года в бою под Будапештом.

Охотничья страсть не давала покоя ему, и он купил за последние гроши ружьё, надеясь подстрелить дикую птицу, зверя, чтобы как-то добыть еду. Но далеко от дома не мог пойти, так как давали о себе знать раны. В июле появились молодые грачи, и их было очень много на Юрьевой горе, где росли высокие сосны. Вот и решил отец поохотиться на них, взяв и меня с собою. Пять-шесть молодых грачей подстрелит он, мать обдаст их кипятком, обработает, потушит с молодой картошечкой. Мясо грача немного горьковато, но тогда это было объедение. Пусть простят нас сегодня хранители природы, но тогда в послевоенные годы многие из нас голодали, в том числе и наша семья.

Однажды во время такой охоты к нам подошла интеллигентного вида молодая женщина и попросила: “Если можете, дайте, пожалуйста, мне одну птицу. Я сварю супчик для моей больной дочери”. Отец дал той женщине два грача. Позже я встретил эту женщину в школе. Это была учительница биологии. Узнав меня, она подошла и стала благодарить, что мы спасли её дочь.

Красные ягоды

Как-то во время охоты набрали мы на чудесное место в лесу: недалеко от дороги из Лиозно в Добромысли по берегам прозрачного с чистейшей водой ручья раскинула свои ветки чёрная ольха, кое-где белели редкие стволы молодых берёзок, купинки облюбовали ярко зелёный мох и невысокие кустики папоротника.

- Красота-то какая!.. Да и земля здесь необычная, как чернозём, - заметил я.

- Да, этот особенный уголок леса, задумавшись и как будто о чём-то вспоминая, сказал Иван Мефодьевич – здешний лесник и мой напарник по охоте. В августе 1944 года мы, мальчишки из окрестных деревень Слобода, Артёмово наткнулись здесь на настоящее чудо: деревьев тогда и в помине не было, а вот на поляне росли невысокие незнакомые нам кустики, сплошь увешанные крупными красными ягодами. Время голодное, не так давно ушёл фронт, поэтому на скудном крестьянском столе большим подспорьем были грибы-ягоды из леса. А тут такое богатство! Корзинами те ягоды в деревню таскали.

- Красные ягоды? Это какие же?

- Да помидоры, обычные помидоры... Только до того времени мы и не знали, что такие “чудо-ягоды” бывают.

- Помидоры в лесу? Откуда же они здесь взялись? Чай не в Южной Америке живём?

- Да уж, не юга. Только человек-работяга в любых условиях применение своим рукам найдёт...

Фронт в этих стоял очень долго: с осени сорок третьего до самого начала операции “Багратион” в конце июня сорок четвёртого. А солдаты, как могли, устраивали свой быт. Стосковались они по земле, по мирному труду. Вот один, как мы

потом узнали, солдатик-украинец и решил, пока суд да дело, вырастить помидоры. Деревьев, я уж говорил, тогда не было, а земля у ручья и впрямь, как чернозём. Распахали солдатики поляну, семена посеяли – сколько могли – за посадками ухаживали. Только урожая отведать не удалось. Двинулся тот солдат да товарищи его дальше на Запад – освобождать нашу Беларусь и другие страны от фашистской нечисти. Нам свободу принесли и “красные ягоды” на память оставили.

Спасибо тебе, солдат, за твой ратный подвиг, за Победу и за “красные ягоды”!

Вот такая охотничья история.

БЫЛЬ - НЕБЫЛИЦА

Водяной

- Говорят, что щука на карася идёт... Давай-ка завтра проверим, - предложил мне сосед-рыбак.

- А где же карася сегодня взять? – осведомился я.

- У меня с прошлой рыбалки осталось десятка два их, - успокоил меня он.

И вот на рассвете следующего дня мы уже были на реке Черница ниже по течению от деревни Большие Сутоки. Расставив рыболовные снасти (кружки с наживкой-живцом) на тихом течении и в заводях, вышли из лодки и присели на берегу. Утро тихое, над рекой редкий туман.

- Владимир Сергеевич, ходят упорные слухи, что в этих местах речки объявился водяной, - поинтересовался я, как он относится к такой небылице.

- Слухи иногда рождаются не на пустом месте... Этому я сам свидетель, - усмехнувшись, ответил сосед.

- Свидетель! – заинтересовался я.

- Да! Вот как это было...

Прошлым летом в этом месте ловил я щуку. Не успел ещё поставить вторую снасть, как на первой поклёвка. Подъехал на лодке, стал выбирать леску, но не тут-то было – зацеп, видимо щука сделала это. Оставив лодку у берега, снял с себя обувь, одежду полностью (при нырянии в воду это необходимо, чтобы не зацепиться за что-либо одеждой). Попытался ещё раз тянуть леску – не получается. Пришлось нырнуть... Вижу небольших размеров корягу и около него щуку, попробовал отцепить, но увы, так напутала бестия, что и понять невозможно. Как же быть? Может вместе с корягой вытащить добычу? Беру верёвку, ныряю снова и привязываю её к коряге. Выйдя из воды, тащу корягу, но она крепко застряла у самого берега. Вновь опускаюсь в воду, поднимаю корягу вместе со щукой и... Вижу

на противоположном берегу стоит мужчина пожилых лет с широко раскрытыми глазами и что-то пытается сказать вроде: “Ч-ч-что ты-ы-ы з-здесь д-де-лаешь?” Отвечаю ему : “Рыбу ловлю”, - и поднимаю корягу вместе со щукой. Вид у меня был, точно – водяной: борода, мокрые длинные волосы на голове да и коряга вся в тине.

Мужик сорвался с места и как даст дёру, забыв свои рыбацкие принадлежности. Пробыл я на речке почти до полудня, а мужик так и не пришёл. Спрашивал рыбаков, кто это забыл удочки, но до сих пор хозяин не нашёлся, только ползут вот эти слухи о водяном.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово.....	3
ВОЕННОЕ ДЕТСТВО	5
Безымянный герой.....	6
Пятый полк.....	8
В немецкой школе.....	11
Варварство.....	14
Махорка.....	16
Кукиш в масле.....	18
Суп с маком.....	20
Львовна – партизанка.....	21
Гитлер капут!.....	23
“Партизаны”.....	24
Наш атаман – Ванька Козёл.....	26
Свисток.....	28
Секретная мина.....	29
Нечистая сила.....	31
Был тогда необыкновенный день.....	32
Кому холодной водички?.....	33
Триста граммов хлеба.....	34
КУРСАНТСКИЕ БУДНИ	35
Что такое Родина?.....	36
Я в Одессе.....	37
Мы же русские.....	39
Пындыр.....	40
Шутка.....	42

Пакет-сюрприз.....	43
Чтобы у каждого было это.....	45
“Индийский час”.....	46
Странная командировка, или как у нас делается иногда.....	48
Тревога.....	51
В карауле.....	52
Шпаргалка.....	53
Подполковник Русаков.....	54
В ресторане.....	55
Лапша, кругом лапша.....	56
А они живут лучше нас.....	57
Оскорбление личности.....	59
ЗАМЕТКИ МОЛОДОГО ВРАЧА	62
Хочу на тот свет.....	63
Взятка.....	65
Не стучи кулаком.....	67
ОХОТНИЧЬИ БАЙКИ	68
Сохатый.....	69
Хитрый заяц.....	71
Вот это выдержка!.....	72
Молодые грачи.....	74
Красные ягоды.....	75
БЫЛЬ – НЕБЫЛИЦА	77
Водяной.....	78

Центральная районная библиотека
ГУК “Лиозненская ЦБС”

Народное любительское литературное объединение
“*Под абажуром*”

211220, г.п. Лиозно, ул. Ленина, 65

E-mail: libliozno@rambler.r

Web-сайт lioznolib.ucoz.ru

